

Татьяна Вольтская

* * *

Капли на темных крыльях тихо качает ель.
Воздух — твоя могила, земля — твоя колыбель.
Облако простоволосое встало над головой,
Выстелены овраги желтеющею травой.
Долго равнина волнами катится, широка,
Да не найти мне камушка, не положить цветка.
Что мне Москва кипучая — льётся рекой елей,
Купола вырываются пламенем из щелей,
Что мне деревня — брёвнышки в сумеречной золе —
Мёртвой царевной спящая в воздухе-хрустале,
Что мне пути, пророчества, Новгород, Тверь, Тамбов,
Если моё отечество — это твоя любовь.

Французский

Все языки как языки, и только французская речь
Умеет, как мяч над сеткой, летать, бежать, подпрыгивать, течь.
Она похожа на старый парк, на аллею в солнечных пятнах,
На речку — ты можешь ее не знать, и все же она понятна.
Все языки как языки, а этот ты просто пьёшь,
В животе появляются пузырьки, в пальцах — лёгкая дрожь,
Он вьётся дорогой вокруг горы, трещит дровами в печи,
А когда Пиаф пропоёт — *Rien* — ты в обмороке почти.
Хорошо, что Пушкин на нём болтал, обычаю не переча, —
Французский лился из всех плотин на мельницу русской речи.
Да нет, не братья, не двойники — а просто зима, темно,
Метель, перепутаны женихи, отчаянный взгляд в окно.

* * *

Съешь чернику вместо зерна граната,
И останешься в этих краях до гроба,
На подушке мха, на траве примятой,
Посреди берез в полосатых робах.

И закружишься, и позабудешь волю,
Поглядишь на новорождённый месяц,
Станут мысли — ветром, собачьим воем,
Будто служба тяжкая — год за десять.

А когда закончится эта служба,
Перед смертью постигнешь ее науку,
Прилетит воробей и попьёт из лужи
И чирикнет слово тебе на ухо.

* * *

Художник пишет не меня,
А свет, сбегающий по скулам,
Не я на стуле, а страна
С окошком и пейзажем скудным,

С грачом, бредущим по стерне,
Потрёпанным, как после боя,
И трещинами на стене,
И ускользящей любовью,

И синей тенью из-под век,
И вспышкой на коленке где-то,
А то, что в зеркале — подвох
И нарушение завета,

Который ангелы несут
Ему на крыльях колонковых:
Не мир
 в мерцающих оковах —
Но меч. Но суть.

* * *

Выйди из комнаты — не дай себя запереть
Стеллажам и стульям, сотне оттенков серого
Воздуха, в котором слежалась смерть,
Как в банке из-под консервов.

Выйди из книжной чащи, из ледяной шуги
Паркета, из стены, где бело и пусто,
Вдоль которой собственные шаги
За тобой по пятам крадутся.

Не соблазняйся музыкой — бессмысленные круги,
Вздрагивая, плывут, хоть никакого вальса
Не слышно уже полвека — беги, беги,
Даже ради мытья посуды не оставайся.

Выйди из комнаты, где с люстры свисает жизнь
Прошлая — обрывками и клочками,
Черновиками — брось ее, не держись,
Шествуй по коридору, шаги чеканя,

И даже если за дверью стоит герой-
Любовник, мусоля цветок в бумаге,
Не пускай его дальше порога, застынь горой
У входа. Выйдя, почувствуете, что наги —

Сбросив комнату, как платье или пиджак.
Обретая лицо, оглядываться негоже,
Просто иди по улице, где наждак
Воздуха обжигает кожу,

И где каждый встречный, как с похорон —
Где, мол, брат твой — взглядом сулит несчастье.
Проглоти мычанье, запихни себе в глотку стон —
Только не возвращайся.

* * *

Худой воробьиный жилет
И толстое небо на вате.
Давайте друг друга жалеть
И слушать друг друга давайте.

Внезапный хлопок по плечу,
Пустого трамвая бречанье.
Как в очереди к врачу,
Мы здесь оказались случайно.

Столений воронье перо,
Пророки в сандалях ременных,
Солдаты. Скажи мне пароль
Волшебный — *Я твой современник* —

И брошусь к тебе из толпы
И умерших, и нерождённых:
Мы живы, мы здесь, мы теплы,
Кружим наподобье подёнок.

Чем в страхе дрожать, как желе,
Сидеть, от обиды надутым,
Давайте друг друга жалеть —
Поскольку других не дадут нам.

* * *

Мои ли это руки, Господи,
Мои ли в зеркале глаза?
А на стекле — дождинок оспины,
А за спиной — леса, леса.

И мой ли это голос слышится —
Глухой, дающий петуха?
А где-то пробегает лыжница
Через сосновые меха,

Оранжевое солнце низкое
Садится за микрорайон,
И бабушка с зелёной мискою
Виднеется в дверной проём,

И ты в прихожей — куртка синяя
И запотевшие очки —
Тире и точки, пятна, линии,
Обрывки, сполохи, клочки.

И сколько крови это стоило —
А выплеснулось, как вода,
И если было — то со мною ли,
И если делось — то куда?

Татьяна Вольтская родилась и живет в Петербурге. Поэт, эссеист, автор десяти сборников стихов. В 1990-е годы выступала как критик и публицист, вместе с Владимиром Аллоем и Самуилом Лурье была соредактором петербургского литературного журнала «Постскриптум». Лауреат Пушкинской стипендии (Германия), Волошинского конкурса, конкурса «Заблудившийся трамвай», премий журнала «Звезда», «Интерпоэзия», «Этажи», «Гостиная». Работает корреспондентом радио «Свобода/Свободная Европа».